

Камеры наблюдения в городах: безопасность и территория

Беседа Дмитрия Муравьева и Леонида Юлдашева
с Дмитрием Серебренниковым



Дмитрий Муравьев (р. 1998) – студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», участник клуба любителей интернета и общества. Сфера научных интересов – интернет-управление, критические исследования данных, исследования науки и технологии.

О б интернете в пандемию стали много говорить в связи с технологиями, предположительно обеспечивающими безопасность и контроль над эпидемиологической обстановкой, – это и QR-коды, и системы видеонаблюдения. Роль последних в пандемию, казалось бы, стала еще более явной и выпуклой, но при этом ее тяжело понять, если не учитывать более широкий социальный и политический контекст возникновения таких систем. Постепенно повсеместность систем наблюдения становится слоем «невидимой» инфраструктуры, для выявления которой необходима отдельная исследовательская работа. Участники клуба любителей интернета и общества Дмитрий Муравьев и Леонид Юлдашев поговорили с исследователем систем видеонаблюдения Дмитрием Серебренниковым о логиках расположения камер, истории их распространения в России и мире, а также о сложных отношениях понятий «риск» и «безопасность» в исследованиях инфраструктур наблюдения.

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ И СИСТЕМЫ ГОРОДСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Леонид Юлдашев: С чего вообще начался твой исследовательский интерес к камерам видеонаблюдения?

Дмитрий Серебренников: Я заинтересовался этой темой в 2018 году, когда прочел статью Сары Брейн в «American Sociological Review»¹. Текст посвящен ее многолетнему полемому исследованию внедрения новых средств аналитики

1 BRAYNE S. *Big Data Surveillance: The Case of Policing* // American Sociological Review. 2017. Vol. 82. № 5. P. 977–1008. О предиктивных системах аналитики и практиках работы правоприменителей можно прочитать в: СЕРЕБРЕННИКОВ Д. *Она предсказала убийство: до чего дошли системы предсказания преступлений – и за что их критикуют* // N+1. 2021. 16 сентября (<https://nplus1.ru/material/2021/09/16/predictive-policing>).

в полицейском департаменте Лос-Анджелеса и тому, как они изменили повседневную работу низовых сотрудников. Брейн показывает, что именно меняется в повседневной работе полиции с появлением новых технологий. Начиная разбираться с аналогичными системами и технологиями в России, я узнал про так называемые комплексы «Безопасный город» («БГ») и захотел изучить их качественными методами.

Л.Ю.: Как ты получил к ним доступ? Ведь это, вероятно, очень закрытое поле.

Д.С.: Городские системы камер наблюдения не принадлежат МВД и вообще силовым органам власти. Все системы, которые вы видите на улицах и про которые говорят, что это «полицейские камеры», *de jure* являются муниципальными. А к местным властям, в отличие от МВД, чуть проще получить доступ. Так, в одном из регионов России я объездил три муниципалитета, в каждом из которых брал интервью у руководителей, операторов и у других работников центров мониторинга и обслуживания «БГ».

Такие комплексы связаны с другой инфраструктурой – Системой единого номера дежурно-диспетчерских служб «112». Она создавалась в тот же период, что и «БГ», но, в отличие от комплексов безопасности, которые в типовом случае спонсировались региональным, а иногда и муниципальным бюджетами, на нее выделяли огромные федеральные транши. Поэтому «Безопасный город» часто развивался как дополнительная инфраструктура к «112».

Дмитрий Муравьев: То есть ты изучаешь две системы? Или одну? Или они действуют вместе?

Д.С.: *De jure* это разные системы, но фактически они очень часто создавались в симбиозе.

Л.Ю.: А что ты увидел, когда отправился в поле?

Д.С.: Мне показались интересными две проблемы. Первая – как организационно устроена инфраструктура камер в разных локациях. Целостна ли она или разорвана? Управляется ли одним-единственным игроком или контроль над ней распределен между многими организациями? С точки зрения ведомственных бюрократических интересов, это сложная, но одновременно важная технология, в которой заинтересованы различные органы власти, а не одна только полиция.

Сделаю лирическое отступление и расскажу одну из моих любимых полевых историй. В одном из городов, где я брал

**ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮЛДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ**

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ



Дмитрий Серебрянников (р. 1994) – младший научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Сфера научных интересов – правоприменение и новые технологии, исследования бюрократии, пространственный анализ.



Леонид Юлдашев (р. 1992) – координатор клуба любителей интернета и общества, исследователь истории интернета. Сфера научных интересов – исследование науки и технологий, акторно-сетевая теория, история интернета.

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮЛДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

интервью и вел наблюдение в городском центре мониторинга, местный сквер, в котором находился мемориальный комплекс Вечного огня, воспринимался чиновникам как очень проблемное пространство, поскольку его облюбовали бездомные. Они жарили на огне сосиски и постоянно там мусорили, делая место непривлекательным. Вдобавок дети зимой любили забегать к Вечному огню и иногда забрасывали его снегом. Огонь переставал гореть, а это грозило взрывом газа. В результате дежурные центра мониторинга по собственной инициативе специально начали следить за этим Вечным огнем. Если они видели там бездомных, сначала вызывали полицию, затем звонили дворникам и в другие коммунальные службы. Если они видели, что дети потушили огонь, они звонили в газовую службу, чтобы те разобрались с этой ситуацией и заново зажгли его. Дежурные отмечали каждый случай в специальных тетрадочках. Они показывали мне записи, и было видно, как инцидентов становится все меньше, меньше и меньше. После чего они показали мне на экране этот сквер: «Смотрите – красиво!». А сквер, и правда, выглядел привлекательно. То есть тактика реального использования новых систем наблюдения и безопасности может достаточно сильно отличаться от распространенного представления о том, что камеры нужны только правоохранителям. В описанном случае они использовались для того, что можно назвать «поддержанием комфортной городской среды».

Д.М.: Здесь отчетливо видно, что системы, создающиеся для одних целей, могут играть и другие роли.

Д.С.: Да, и это связано со второй проблемой, которая заинтересовала меня намного больше. Напомню, что я проводил наблюдение в небольших городах и муниципалитетах. Так вот, камеры расположены в городском пространстве очень по-разному. Они систематически наблюдают очень разные объекты.

Анализируя документацию по государственным закупкам на установку камер в исследуемом регионе, я обнаружил разные варианты их территориальной локализации. В первом случае большинство камер стояли по периметру города, на его въездах и выездах, а также по периметру администрации. Я назвал это «город как цитадель». Другой тип – «сетевой», когда контролируются ключевые инфраструктурные развязки. Третий тип – это более распределенный кейс: камеры устанавливали на инфраструктурно важных объектах – на котельной, водозаборе и так далее. Четвертый тип направлен на то, чтобы обезопасить детей.

Обсуждение последнего типа выводит нас на более широкие вопросы государственной политики в отношении несовершеннолетних. Здесь можно привести аналогию с работой конт-

рольно-надзорных органов, у которых есть специально рассчитываемые показатели риска для различных организаций. Исходя из значения показателя определяется, насколько часто нужно устраивать проверки для организации². Так вот, одни из самых высоких показателей риска – у атомных станций. С ними все понятно. Сравнимый с ними уровень – у школ, детских садов и других объектов такого рода. Какие-нибудь лесопилки – это менее рискованные предприятия в этой логике³.

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

Л.Ю.: А эти четыре случая соответствуют структурам организаций, устанавливавших камеры? Иначе говоря, можно ли предположить, что организационная сеть и сеть камер будут изоморфными?

Д.С.: Чтобы ответить на вопрос, нужно понять, как камеры появляются на территории. Происходит это в результате деятельности специальной рабочей группы в муниципалитете, куда входят представители МВД, местного департамента безопасности, МЧС и в некоторых случаях других заинтересованных. Собираясь, они определяют, куда поставить камеры, и в итоге должны прийти к некоему коллективному решению. Это дает нам основания говорить об институционально сформированной группе, которая коллективно выносит определенные решения.

В этом смысле мне показалось любопытным использовать концепты Людвика Флека и Мэри Дуглас о мыслительных коллективах и их связи с работой институтов. В результате мыслительный коллектив и стал единицей моего исследования. Меня интересует, как по-разному в разных коллективах может выстраиваться работа по классификации пространств – где необходимо обеспечить безопасность и наблюдение, а где это не является первоочередной задачей. После анализа небольших городов я решил попробовать радикально изменить масштаб при сохранении базовой теоретической рамки и сделать количественное исследование о пространственном расположении камер в Москве⁴, чтобы разобраться в устройстве релевантных бюрократических логик в совершенно другом контексте.

Д.М.: А в Москве есть открытые данные об этом?

Д.С.: Да, они находятся на сайте *data.mos.ru*. Там отмечены не все камеры, и можно услышать мнение, что власти наделя-

2 Постановление Правительства РФ от 17 августа 2016 г. N 806 «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (<https://base.garant.ru/71473944/#friends>).

3 Подробнее см.: Кучаков Р., Кузнецова Д., Скугаревский Д. *Контроль и надзор в 2020 г. Жизнь без проверок в период пандемии: аналитический отчет* (<http://inspections.enforce.spb.ru>).

4 Под руководством Дмитрия Скугаревского.



ют особыми привилегиями определенные группы населения, делая их жизнь менее «просматриваемой»⁵. Это не совсем соответствует действительности, поскольку в Москве есть как минимум семь различных комплексов камер. В публичном доступе находятся только три.

Л.Ю.: Все ли комплексы ты анализировал?

Д.С.: Нет, и на то есть веская причина. Например, еще к 2013 году все школы Москвы должны были быть оборудованы камерами⁶, и это действительно было сделано⁷. На каждой двери подъезда многоквартирного дома в городе должны быть установлены подъездные камеры, и мэрия стремится к тому, чтобы претворить это в жизнь. В таком случае расположение или отсутствие камеры – это технический вопрос, в котором агенты не имеют своей дискреции⁸ в выборе, а мыслительный коллектив, принявший такое решение, был только один – это коллектив авторов документа, регламентировавшего такую тотальную установку. Из-за этого может показаться, что на таких данных невозможно посмотреть дискрецию решений об установке камер.

Но, как оказалось, возможно, если обратить внимание на камеры в местах массового скопления людей. Согласно озвученным критериям мэрии Москвы, «публичным» считается любое место, в котором одновременно могут пребывать пятьдесят человек и более. По сравнению с другими локациями здесь камер относительно мало, в том числе из-за дороговизны. До 2020 года их было 2,5 тысячи, сейчас около шести тысяч. Для сравнения – подъездных камер в Москве около ста тысяч.

Я сделал исследование, сравнив, чем отличается пространственный контекст расположения камер в местах массового скопления людей от пространственного контекста расположений любых других объектов Москвы (например банков, аптек, лавочек и чего угодно, что категориально выделяется как объект в городе в классификации ресурса «Open Street Map»). Проще говоря, я сравнивал специфику расположения камер в публичных местах с расположением других объектов в городе.

5 СЕРЕБРЕННИКОВ Д. *Видеонаблюдение за людьми: технологические и бюрократические проблемы* // Вестник. 2020. 29 апреля (www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/04/29/829339-videonablyudenie).

6 *Постановление Правительства Москвы от 9 августа 2011 года N 349-ПП «Об утверждении государственной программы города Москвы “Умный город”»* (<https://docs.cntd.ru/document/537906652>).

7 *Безопасная школа: охранники должны видеть картинку с камер видеонаблюдения* (www.mos.ru/drbez/documents/arhiv-novostej/view/86189220/).

8 Дискреция – степень свободы, которая есть у служащего в момент принятия решения. См. подробнее: LIPSKY M. *Street-level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*. New York: Russell Sage Foundation, 1980.

Д.М.: И в чем отличие? Что влияет на распределение таких камер?

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮЛДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

Д.С.: Прежде всего в наличии разных интересантов работы таких систем. Сети камер опутывают город специфическим образом, и мы можем найти неожиданные пространства, где их нет. Например, Кремль. В массиве доступных мне данных, не зафиксировано ни одной камеры, которая находилась бы на этой территории. Естественно, в реальности это не совсем так. Просто стоит немного вернуться назад и подумать: кому могли бы принадлежать эти камеры и кто заинтересован в их работе?

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

Это Правительство Москвы и МВД города. Однако их системы распространяются далеко не на весь мегаполис. Москва в этом смысле напоминает лоскутное одеяло, где отдельные «лоскуты» – это участки, для каждого из которых безопасность обеспечивают совсем разные интересанты с разными критериями безопасности, а также с разным пониманием самой безопасности (подчас даже на уровне законодательства).

Москва напоминает лоскутное одеяло, где отдельные «лоскуты» – это участки, для каждого из которых безопасность обеспечивают разные интересанты с разными критериями безопасности, а также с разным пониманием самой безопасности.

Л.Ю.: А встраиваются ли все эти системы безопасности в какой-то общемировой тренд развития?

Д.С.: Конечно. В чем-то они встраиваются со значительным отставанием, а в других аспектах – наоборот, с опережением. Это зависит от того, как и из какой точки России посмотреть.

Вообще если сделать небольшое отступление в историю камер наблюдения, то она, конечно, достаточно увлекательна и, судя по всему, поразительным образом уходит корнями ко Льву Термену, изобретателю терменвокса. В 1926–1927 годах он разработал первый в истории аппарат удаленного наблюдения за территорией в режиме реального времени. Опытный образец технологии, кстати, был установлен в кабинете наркома по военным и морским делам СССР Климента Ворошилова, который использовал его для наблюдения за посетителями во дворе комиссариата. Однако до реального активного применения камер было еще далеко.

Одним из серьезных толчков к такому применению были, как ни странно, события мая 1968-го – правда, не во Франции, а



ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮЛДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

в Великобритании. Тогда в Лондоне с помощью установленных на нескольких площадях камер полицейские могли успешно координировать свои действия против протестующих. Дальше этот инструмент становился все популярнее, но не настолько, чтобы вкладывать в развитие сети камер большие деньги.

Бум этой технологии в мире начался во второй половине 1990-х. Именно в то время в Европе и Америке на смену дорогим пленкам для записи пришли сравнительно дешевые жесткие диски. Начиная с 1994-го количество устанавливаемых камер с каждым годом кратно увеличивалось⁹. Теоретическую рефлексию о камерах наблюдения в то время можно почитать у Клива Норриса и Гэри Армстронга¹⁰, но, если брать вопрос шире и думать о наблюдении в целом, количеству работ по этой теме не будет числа.

В 2010-х неожиданно начался бум нейронных сетей и технологий распознавания лиц. Стоит отметить, что, хотя сами технологии идентификации человека по биометри[ческим данным] тестировались еще в конце 1990-х, по-настоящему использовать их стали только через 10–15 лет, в первую очередь в США. Они использовались также и в других странах. Со временем к этому активно подключился Китай, о последствиях чего мы слышаны.

Важно понимать, что весь этот разговор – это разговор о государственном секторе. Однако исторически камеры (и системы безопасности вообще) развивались благодаря существенному содействию частного сектора, и в первую очередь – благодаря банкам и страховым компаниям.

Д.М.: А что было в России?

Д.С.: Системы камер и системы безопасности начинают возникать в начале 2000-х [...] на уровне экспериментов отделов МВД. Эти эксперименты спонсировались местными администрациями – то есть мы имеем дело со множеством локальных инициатив. Их было действительно много, просто они были очень незначительны, по современным меркам, и редко когда развивались в более крупные проекты. Более масштабные проекты устанавливались в тех же банках или на стадионах.

В мае 2008 года президентом стал Дмитрий Медведев. Это первый в череде триггеров, подстегнувших местные власти к использованию таких технологий. Почему? По мнению некоторых моих респондентов – из-за дискурса. Здесь мы можем

9 MCCAHILL M., NORRIS C. *CCTV in Britain*. Centre for Criminology and Criminal Justice, School of Comparative and Applied Social Sciences, University of Hull. March 2020 (www.urbaneye.net/results/ue_wp3.pdf).

10 NORRIS C., ARMSTRONG G. *The Maximum Surveillance Society: The Rise of CCTV*. London; New York: Routledge, 1999.

поговорить о силе популярного в то время дискурса о модернизации, о создании новых технологий, стартапов, о «Силиконовой долине в Сколково» и прочего. Региональные власти быстро сориентировались, каким образом можно получать федеральные субсидии – через разного рода «технологические» проекты, в том числе и в сфере безопасности.

Такова была ключевая (если верить моим информантам) причина, по которой по всей стране начали массово экспериментировать с системами типа «Безопасный город», выстраивать комплексы камер наблюдения и различные центры мониторинга. Если в первой половине «нулевых» мы могли наблюдать отдельные эксперименты – в основном (по финансовым причинам) в Москве, – то в период 2008–2012 годов это все пришло и в регионы. Причем, развивая новую технологическую инфраструктуру, представители власти на местах далеко не всегда получали желаемые субсидии.

Потом, в 2014 году, вышло постановление правительства о принятии концепции развития систем «БГ». Это ключевой момент всей истории камер и систем безопасности в России за последние десять лет. Во-первых, если немного огрубить, там было написано, что к Чемпионату мира [по футболу] 2018 года, а желательно и раньше, все крупные города должны создать у себя системы «Безопасный город». Во-вторых, «БГ» представлялся его планировщикам не столько как комплекс камер, сколько как достаточно крупная инфраструктура различных датчиков – на производстве, в котельных, на водозаборе, датчиков контроля качества воздуха и разных других. В-третьих, постановление не определяло, за счет каких средств должны быть построены системы, то есть фактически перекладывало ответственность за их создание на регионы, а те могли спустить это еще ниже – на уровень муниципалитетов.

«Безопасный город» в России выстраивался не по единому образцу. Скорее речь идет о наборе самых разных вариантов. Каждый регион или муниципалитет самостоятельно выбирал, как его создавать. В это же время в центре шли постоянные дебаты о принятии жестких стандартов таких комплексов, и на этих дебатах два ключевых интересанта (МЧС и МВД) никак не могли договориться друг с другом.

Л.Ю.: Но в итоге все договорились и во время пандемии все уже работало?

Д.С.: В целом, да, но опять же все слишком зависело от реализации системы в регионе. Например, в Москве так неожиданно совпало, что к моменту пандемии «БГ» вышел на свою полную рабочую мощность – и показал себя очень успешно.

**ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ**

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ



ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮЛДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

Сами правоохранители с удивлением говорят, что за последний год, в том числе благодаря биометрии, показатели раскрываемости некоторых преступлений подскочили чуть ли не до 100%. И это поразительно даже для самих работников. Хорошо работающие технологии распознавания лиц действительно повышают ценность системы для ее пользователей, это уже не те камеры, которые требуют большого количества времени для поиска определенного события по записи и на которые вообще непонятно зачем смотреть в режиме ежедневного мониторинга. Говоря о последнем, вспоминается текст, который я читал на одном из полицейских форумов – это достаточно ранняя история, из «нулевых», – о том, как один из экспериментирующих с камерами руководителей отделов посадил своего подчиненного смотреть на экраны, и тот постоянно засыпал. Руководитель попросил знакомых программистов написать программу, которая раз в полчаса выдавала подчиненному простейшую головоломку. Если ее не решить, взывала сирена.

Л.Ю.: Ты говорил про [концепт Людвика Флека и Мэри] Дуглас и про согласование представлений разных ведомств, то есть коллективных акторов, которые образуют нового коллективного актора – комиссию, так скажем, по «Безопасному городу» в конкретном месте. А теперь оказывается, что, во-первых, они в сложных отношениях друг с другом; во-вторых, в разных местах у этой системы разное финансирование; в-третьих, в разных местах система функционируют по-разному. Можно ли предположить, что эти комплексы строят, заранее предполагая, что они понадобятся для разных нужд. Как согласование происходит, если пока тут одно сплошное рассогласование?

Д.С.: Здесь нужно различать уровни принятия решений. Ведомственная борьба происходит в высоких кабинетах – но там не решают, в каких местах ставить камеры. Даже в таком крупном городе, как Москва, технически это организовано так, что в каждом районе собирается комиссия из тех же членов, о которых я говорил: МВД, МЧС, представитель района и обычно кто-то четвертый, какой-то еще интересант. Они совместно (в рамках своей дискреции) решают, где должны быть расположены камеры, смотрят на свой бюджет, или, в случае Москвы, им спускают цифру, сколько камер они должны расставить, и исходя из этого думают, как им удовлетворить интересы друг друга. На высоком уровне, связанном с общей политикой, мы не можем говорить ни о каком мыслительном коллективе – разве что о мыслительном коллективе правительственной комиссии, итоговым решением которой было то,

что ее участники не могут прийти к компромиссу о стандарте таких систем.

На этом примере хорошо видно, когда мы можем говорить о бюрократическом мыслительном коллективе, а когда – нет. В первом случае коллектив – пусть со спорами и взаимными уступками – способен в итоге вынести коллективное решение, которое будет легитимно и в глазах его участников, и с точки зрения проверяющего их работу. Во втором – сделать такой шаг не получается и фактического действия не происходит. Мыслительный коллектив может работать только при условии непротиворечивости коллективных представлений. Да, мнения участников коллектива могут отличаться, кому-то решение может казаться не оптимальным; но тем не менее они должны прийти к соглашению, при котором их позиции не будут противоречивыми.

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

РИСК И БЕЗОПАСНОСТЬ

Д.М.: Ты выделил четыре типа расположения камер. Рассуждая о причинах, ты упомянул, что происходит связка категории безопасности с категорией риска (например когда мы говорили про детей). Тут сразу возникает вопрос: о какого рода риске мы говорим?

Это тот же риск, который мы знаем по литературе, которая описывает категории риска в индустрии страхования, обществе риска, или же это связано с уникальным советским наследием в понимании риска? Является ли риск универсальным для всех этих типов?

Д.С.: Есть огромная библиография по историко-социологическому изучению риска, внутри которой можно выделить несколько традиций исследования этого феномена. Однако если попытаться найти какую-то общую почву между ними, то можно сказать, что риск здесь понимается как концепция количественной оценки вероятности последствий того или иного решения. Такая концепция появляется примерно в XVI–XVII веках. Со временем понятый таким образом риск становится крайне важным элементом как самого функционирования многих рыночных механизмов, так и объяснения их работы. Во второй половине XX века эта концепция, как спрут, распространяет свои щупальца и на нерыночные сферы жизни. Соответственно, выходит большое количество критических работ, посвященных связи такой квантификации и социального неравенства. Конечно, я не могу в паре предложений описать всю интеллектуальную историю понятия «риск» и конструкти-



ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮЛДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

вистских исследований риска, поэтому отсылаю вас к многочисленным работам по этой теме¹¹.

И есть – наверное, еще большая по объему – практическая литература о применении риск-ориентированного подхода в решении различных задач менеджмента и государственного управления. Она стала крайне популярна с 1990-х, во времена расцвета концепции *New Public Management*, согласно которой, для того, чтобы принять верное управленческое административное решение, вам сначала нужно рассчитать связанные с ним риски.

Выше я уже говорил, что проверяющие органы оценивают школы как объекты с высоким уровнем риска. Конечно, проверяющие вряд ли даже слышали про критические исследования риска, и когда они используют этот термин, то используют его именно во втором – практическом – смысле.

Однако обращение к первому, критическому, подходу позволило мне определиться с центральным концептом моего исследования. Тут была сложность, поскольку на выбор приходили следующие три: риск, безопасность и наблюдение. Такой вот треугольник. В итоге я сделал упор на безопасность.

Л.Ю.: Почему?

Д.С.: Насколько я понимаю, до 2010-х безопасность – это в первую очередь концепт, использующийся в области исследований международных отношений двумя группами исследователей (я намеренно не говорю «школами», так как каждая из групп дробилась на множество школ). Первая – политическая (*real politics*), и она сосредоточена на исследовании того, как не допустить реализации каких-либо угроз государству. Эта школа была особенно популярна во время «холодной войны». Во многом она пересекалась с теми теориями в различных дисциплинах (например с теорией игр), в которых решалась проблема баланса отношений между двумя сверхдержавами¹². Вторая, критическая, группа обрела популярность уже в 1990-е. Исследователи, принадлежащие этой традиции, концептуализировали международную безопасность конструктивистским образом – то есть как инструмент для установления политической власти над определенной сферой жизни граждан или для получения морального права на планируемое военное вмешательство. В типичном сценарии при так называемой «секьюритизации» создается определенный дискурс о желае-

11 Экскурс в основные теории риска и библиографию по каждой из них можно найти в сборнике: ZINN J.O. (Ed.). *Social Theories of Risk and Uncertainty: An Introduction*. Chichester: John Wiley & Sons, 2009.

12 BUZAN B., HANSEN L. *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

мом объекте как о том, что необходимо сделать безопасным. На основании этого выдвигаются претензии на установление контроля над объектом¹³.

Таким образом, «безопасность» закрепила за исследованиями государств или других больших политических акторов. Однако существовало одно «но». «Безопасность» – это слово повседневного языка, оно характеризует определенные практики повседневного мира. Именно эту карту в 2010-х попытался разыграть ряд исследователей, в первую очередь из англо-канадской академической среды. Здесь стоит сказать об Адаме Крауфорде и Мариане Вальверде. Они сосредоточены на изучении так называемых проектов (обеспечения) безопасности (*security projects*). Последние представляются набором практик для создания уверенности и комфорта в социальных взаимодействиях индивида с миром вокруг него. При этом понимаемая таким образом безопасность не поддается количественному измерению.

В то же время риск, даже в случае конструктивистской трактовки, – это всегда разговор о чем-то исчисляемом. Риск – это функция перевода некоторых отношений в исчисляемые вероятности. И на основе этих вычислений создаются алгоритмы принятия решений.

Грубо говоря, мы легко можем создать шкалу с несколькими порогами, по достижении которых можно однозначно говорить, что риск становится все более и более существенным. Безопасность же в смысле «стремления-обеспечить-себе-безопасность» менее вычислима и более онтологична. Возможно, мы как-то можем обозначить степени безопасности, но – как на уровне повседневной речи, так и на уровне исследовательской литературы – я не очень понимаю, как сделать это корректно (без использования других концептов – например, того же «риска»).

Д.М.: А что для такого исследования дает концепт проектов безопасности?

Д.С.: Используя эту логику проектов, мы получаем теоретическую склейку между расположением инфраструктуры и тем пространством, в котором может быть заинтересован автор проекта. Например, если вы устанавливаете у себя дома сигнализацию, то анализ ее размещения укажет на то пространство, которое вы хотели бы контролировать.

Если вы – коллектив чиновников, которые стремятся лучше контролировать обстановку в городе (или так потратить

13 PEOPLES C., VAUGHAN-WILLIAMS N. *Critical Security Studies: An Introduction*. London; New York: Routledge, 2020.

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ



ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮЛДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

бюджет, чтобы не навлечь гнев начальства), то изучение получившейся инфраструктуры способно показать, какие пространства вы считаете важными, либо какие локации, на ваш взгляд, легитимно делать безопасными. Кстати, по этой причине мы вообще можем говорить о существовании инфраструктур безопасности, демонстрируя, вокруг каких типов пространств они сосредоточены и где кончаются границы одной инфраструктуры и начинается пространство другой (то есть другого проекта безопасности от других мыслительных коллективов).

Д.М.: Здесь интересной кажется связка риска и инфраструктур безопасности. Интересно, насколько эта связка прямая, то есть соответствует ли, например, количество камер на атомных станциях их самому высокому месту в рейтинге риска?

Д.С.: Хороший вопрос, благодаря ему я могу вернуться к истории, которую не рассказал вначале, поскольку это отдельная и большая тема.

Развивая идеи Крауфорда и Вальверде, я концептуализировал повседневную безопасность как нерелексированное ожидание индивида от конкретного социального порядка. К примеру, по окопным дневникам военного времени мы можем проследить, как их авторы начинают свыкаться с ежедневными бомбежками, которые входят в повседневный ритм жизни. Постепенно такие люди начинают чувствовать себя относительно спокойно (хоть и с долей фатализма) в этой обстановке. Я читал мемуары участника гражданской войны в Испании, и мне хорошо запомнилось авторское описание военных будней: когда нечто становится частью твоей повседневности, то чувство небезопасности частично проходит из-за привычки происходящего. При этом, если взять другой, более близкий нам пример, идя по темной незнакомой улице в неблагополучном районе, мы можем крайне некомфортно ощущать себя, потому что мы не знаем, что ожидает нас за поворотом.

Таким образом, инфраструктуры безопасности – это своего рода машины по производству *ощущения* безопасности. В радикальном варианте это превращается в театр безопасности (*security theatre*). Важно здесь то, что эти машины работают в обе стороны: они должны производить ощущение безопасности не только у пользователей, но и у создателей инфраструктур. Ведь у чиновников, которые устанавливают камеры, есть особый интерес в том, чтобы на подконтрольной им территории ничего не случилось. Они стремятся сделать инфраструктуры максимально прозрачными, контролируруемыми и понятными в первую очередь для самих себя.

В крупных городах, особенно в Москве, существуют различные органы власти, которые заинтересованы в контроле определенных, юридически закрепленных за ними пространств. Представители этих органов работают над тем, чтобы пространство их ответственности было более «дисциплинированным» и не создавало никаких проблем. В результате картография инфраструктур безопасности дает нам картографию контролируемых разными органами власти участков городского пространства. Как я говорил ранее, в Москве большая часть камер находится в ведении МВД и городского департамента безопасности, но оставшаяся часть города – это очень специфические пространства: элитные жилые комплексы со своими ЧОПами [частными охранными предприятиями]; ста-

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

Инфраструктуры безопасности – это своего рода машины по производству безопасности. Эти машины работают в обе стороны: они должны производить ощущение безопасности не только у пользователей, но и у создателей инфраструктур.

диоды, для которых существует отдельное законодательство по безопасности; Кремль и объекты ФСО [Федеральной службы охраны]; вокзалы и прочее. Про вокзалы интересно: когда вы заходите с улицы на вокзал, вы неожиданно попадаете из зоны ответственности одних полицейских в зону ответственности других полицейских, общий начальник которых находится на уровне Главного управления МВД России. В контексте нашего разговора немаловажно, что эти полицейские будут ориентироваться на разные нормативные акты и транслировать разные проекты безопасности.

Л.Ю.: Тут как раз вопрос: если разные ведомства пытаются навязать свои интересы, то похож ли получившийся результат на рациональный план или это лоскутное одеяло из воплощений, материализаций интересов разных ведомств? Если ты смотришь потом на эту карту, то укладывается ли распределение камер в единую логику или из него торчат несколько разных логик?

Д.С.: В случае Москвы – с рядом оговорок – по результатам количественного анализа можно говорить о том, что есть объекты, рядом с которыми чаще устанавливают камеры, как в местах массового скопления людей, но логики какого-то определенного ведомства там точно не просматривается. Скорее это общая констелляция, в которой камеры чуть больше «притяги-



ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮЛДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

ваются» к «детским» пространствам. Напомню, что речь идет только о тех камерах, которые находятся в ведении мэрии города и полиции. Стоит также проговорить ограничение, которое становится все серьезнее в последнее время: анализировать публичные места в Москве становится сложнее. Раньше (к началу 2020 года) камер было около 2,5 тысяч и бюджеты на системы были меньше, чем сейчас. Мои информанты говорили, что иногда приходилось решать, где и как ставить камеру или не ставить ее вообще. К середине 2021 года количество камер в местах массового скопления людей выросло более, чем в два раза, и мэрия, насколько мне известно, сейчас удовлетворяет почти любой обоснованный запрос на установку камеры. Пока что, анализируя расположение камер, я вижу примерно все те же закономерности, но сама тенденция на такое сильное расширение в перспективе не позволит проводить аналогичный анализ в будущем.

Л.Ю.: И получается, что они не договариваются в том смысле, что они не формируют общей логики, то есть они действуют коллективно, но при этом не сообщая?

Д.С.: В определенном смысле, да, это концептуальная проблема: если члены коллектива располагают большими ресурсами и могут действовать [по отдельности], то потребности в мыслительном коллективе и не возникает, так как между ними нет обсуждений и диалога.

Д.М.: Пока создается представление, что Москва – это город, где между различными инфраструктурами безопасности нет пересечений. Если я живу в элитном жилом комплексе на Остоженке и не выхожу за его пределы, то оказываюсь ли я полностью выключенным из городской системы видеонаблюдения?

Д.С.: В повседневном взаимодействии с городом мы редко когда можем увидеть ту границу между зонами интереса, о которой я говорю. Вы вряд ли чувствуете, что перешли какие-то невидимые границы режимов безопасности, переходя улицу. Однако для различных органов власти есть вполне понятная карта с «правилами игры». Зачем тратить свои бюджеты, влезая не в свою зону ответственности? Но бывают и пространства, в которых такие зоны пересекаются. Например, вы могли видеть на площадях столб или стену, на которой одновременно установлено множество разных камер, направленных в одну сторону. Вопрос – зачем? Скорее всего именно в этом пространстве проходит граница интересов разных органов власти, которые дотягиваются до этого места своими системами.

Л.Ю.: А разные службы и ведомства разве не имеют доступа к камерам друг друга?

**ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮЛДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ**

Д.С.: Зачастую – нет, по крайней мере в прямом режиме, без запроса. Здесь стоит сделать оговорку: с весны 2020 года в Москве усилился тренд на объединение всех систем в одну. До этого существовало множество различных комплексов, и нужно было решение о доступе просителя к той или иной системе. Получит проситель интересующий его материал или нет, зависит от его институционального веса. Например, если сотрудник Следственного комитета хотел получить информацию с камер какого-то ЧОПа, он в типичном случае просто просил предоставить записи, но если получал отказ, то мог прийти с обыском и изъять все принудительно. Однако такие радикальные меры могут быть применены далеко не к каждому ЧОПу далеко не каждым следователем.

**КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ**

Д.М.: Ты говорил о некотором тренде на централизацию в 2020 году, то есть во время пандемии [лоскутное] «одеяло» все больше и больше сшивают и оно становится однороднее. Меняется ли что-то при этом в повседневной работе сотрудников?

Д.С.: Пока сложно сказать. С одной стороны, почти каждый мой информант из правоохранительных органов говорит о большом количестве изменений. Если раньше камеры не считались особо важным инструментом, в первую очередь в режиме онлайн-мониторинга, то сейчас все изменилось за счет развития алгоритмов распознавания лиц. Опять же – это произошло не «вдруг»: новые версии алгоритмов стали элементом, который изменил роль инфраструктуры в работе сотрудников. Однако все эти изменения касаются процесса работы с территорией и непосредственной работы с делами, но на уровне институционального устройства или в рутинной деятельности работников изменений произошло очень мало. Кажется, в этом смысле более сильное влияние оказывают изменения структуры преступности (например увеличения телефонных и онлайн-преступлений) – но это тема для совсем другого разговора.

